Дуэль Эраси съ Меллеромъ-Закомельскимъ.

(Изъ воспоминаній стараго гусара).

Въ 40-хъ годахъ минувшаго столѣтія въ кавалеріи вообще, и въ особенности гусарскихъ полкахъ, дуэли были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, даже считались геройствомъ; всѣ безусые корнеты мечтали о дуэли, а старшіе офицеры нерѣдко разыгрывали роли самыхъ отчаянныхъ бретеровъ, придираясь ко всѣмъ и каждому; за малѣйшіе пустяки они вызывали на дуэль. Таково было время, и несмотря на строгія преслѣдованія дуэли ни въ гвардіи, ни въ арміи не прекращались.

Въ 1843 году одинъ лейбъ-гусарскій офицеръ убилъ своего товарища на дуэли безъ всякой причины, просто ради мнимаго геройства; въ тотъ же годъ поручикъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, тогда принца Оранскаго, Ладомирскій стрѣлялся съ своимъ товарищемъ и пріятелемъ Бутовичемъ, за то, что послѣдній отказался засвидѣтельствовать достоинства верховой лошади Ладомирскаго.

Дуэль состоялась на самыхъ строгихъ условіяхъ. Противники дрались на пистолетахъ на разстояніи восемнадцати шаговъ, съ барьеромъ въ 6 шаговъ. Бутовичъ остался живъ какимъ-то чудомъ, Ладомирскій попалъ ему прямо въ грудь навылетъ, къ счастію Бутовича, пуля не задѣла никакого важнаго органа, и Бутовичъ, по прошествіи 8-ми мѣсяцевъ, совершенно вылѣчился; спустя годъ въ гусарскомъ полку эрцъ-герцога Фердинанда, поручикъ Заремба убилъ на дуэли своего товарища и друга корнета Каришева, Александрійскаго гусарскаго полка поручикъ баронъ Остенъ-Сакенъ

убилъ на дуэли своего товарища карнета Дельво, Ахтырскаго гусарскаго полка корнетъ Карповъ изъ-за какихъ-то пустяковъ убилъ поручика Вальтера.

Но развѣ есть возможность пересчитать всѣ безумства дуэлистовъ того времени.

Я передамъ лишь прискорбный фактъ, который совершился на моихъ глазахъ.

Въ 1842 году въ Александрійскій гусарскій полкъ пріѣхалъ корнетъ Меллеръ-Закомельскій, выпущенный изъ корпуса въ этотъ полкъ. Меллеръ-Закомельскій, былъ прелестный симпатичный юноша, расположившій къ себѣ офицеровъ полка. Старинная пословица гласитъ: „нѣтъ семьи безъ урода“

Въ ту эпоху былъ въ полку поручикъ Эраси, ненавидимый всѣми. И дѣйствительно этотъ уродъ въ физическомъ отношеніи и въ нравственномъ ни въ комъ не могъ внушать къ себѣ симпатій.

Средняго роста съ громадной головой на узкихъ плечахъ, съ длиннымъ лицомъ, на которомъ природа вмѣсто носа насадила какую-то едва замѣтную пуговку, съ впалой грудью и короткими кривыми ногами, Эраси былъ отвратителенъ; ко всему этому надо прибавить, что онъ, какъ и всѣ обиженные природой, мечталъ о себѣ черезъ-чуръ много. Пріѣхавшій въ полкъ Меллеръ-Закомельскій, само собой понятно, съ перваго же разу почувствовалъ къ Эраси отвращеніе. Въ особенности Меллера-Закомельскаго поразили прыжки Эраси, переставлявшаго ноги не такъ, какъ всѣ добрые люди. По этому поводу Меллеръ-Закомельскій говорилъ: „что это вы, Эраси, такъ прыгаете вмѣсто того, чтобы ходить, какъ ходятъ всѣ добрые люди и нещадно стучите вашими каблуками, къ которымъ привинчены аршинныя шпоры?“

Хитрый грекъ Эраси сразу понялъ, что Меллеръ-Закомельскій не оставитъ его въ покоѣ, и старался отдѣлаться шуточками; но вотъ насталъ роковой день, когда шуточки не помогли. Утромъ Эраси на своей лошади ѣздилъ въ манежъ, гдѣ въ это время были Меллеръ-Закомельскій и Никитинъ. Неуклюжая фигура Эраси верхомъ на лошади, разумѣется, возбуждала смѣхъ; Меллеръ-Закомельскій, указывая на ѣздившаго по борту Эраси, громко хохоталъ; послѣдній, разумѣется, слышалъ все это, но показалъ видъ, будто ничего не слыхалъ. Такъ сцена въ манежѣ и кончилась благополучно.

На бѣду эскадронный командиръ ротмистръ Мамонтовъ, по случаю дня своего рожденія, вечеромъ устроилъ попойку. По обыкновенію запылала жженка, пили портеръ и шампанское. На пирушку

были приглашены многіе офицеры, въ числѣ которыхъ былъ и Эраси.

Когда сахаръ, положенный на скрещенныя сабли, растаялъ, жженку затушили лафитомъ и шампанскимъ. Ротмистръ Мамонтовъ большой ложкой разлилъ по стаканамъ жженку, и попойка началась.

Жженка очень вкусный напитокъ, но до высшей степени крѣпкій. Меллеръ-Закомельскій, отпивъ изъ своего стакана, тотчасъ же зарумянился, глаза его загорѣлись, и онъ опять накинулся на прыгающаго Эраси.

— Скажите, Эраси,—говорилъ Меллеръ-Закомельскій,—съ какой стати вы себя выдаете за испанскаго гранда, когда всѣмъ извѣстно, что вы чистокровный нѣжинскій грекъ?..—Я вовсе не имѣю желаніе отдавать на вашъ судъ мою родословную,—отвѣчалъ Эраси,—а потому покорно бы просилъ васъ не касаться этого обстоятельства.

Но Меллеръ не унимался; его возбужденное состояніе выпитой жженкой толкало его на крайнія мѣры, даже на дерзости по адресу Эраси.

— Конечно, я не имѣю ни малѣйшаго желанія заниматься вашей родословной, — возразилъ Меллеръ, — но вы такъ громко кричите, что вы испанскій грандъ, что до меня не могли не дойти эти слухи.

— А знаете, Меллеръ, пословицу: „не всякому слуху вѣрь“, — сказалъ Эраси.

— Ну, слуху-то я не могу не вѣрить, но и въ томъ, что вы испанскій грандъ, сильно сомнѣваюсь.

Ротмистръ Мамонтовъ, присутствовавшій въ комнатѣ, желалъ прекратить всѣ эти щекотливыя пререканія.

— Что это, Меллеръ, ты придираешься то къ родословной Эраси, то къ походкѣ, мнѣ кажется, какъ то, такъ и другое тебя не должно касаться, формуляра Эраси ты не читалъ, что же касается до его походки, то это такая мелочь, на которую, мнѣ кажется, не слѣдуетъ обращать вниманія; пусть каждый и ходитъ и дѣлаетъ, какъ ему угодно, лишь бы дѣйствія его не безпокоили другихъ.

Эта примирительная рѣчь Мамонтова только подлила масла въ огонь. По мѣрѣ того какъ Меллеръ пилъ жженку изъ стакана, онъ становился все въ болѣе и болѣе возбужденномъ состояніи.

— Однако согласись, Мамонтовъ, — вскричалъ Меллеръ, — не странно ли, что какой-то нѣжинскій пиндосъ кричитъ о себѣ, что онъ лаперузо ди Эрасо испанскій грандъ.

— А вы слышали, какъ я это говорилъ?—спросилъ Эраси.

— Лично я это не слыхалъ, — отвѣтилъ Миллеръ, но десятки

товарищей могутъ засвидѣтельствовать о вашемъ нагломъ хвастовствѣ, возразилъ Меллеръ.

— Ну, я бы не желалъ попасть подъ слѣдствіе и выслушивать показанія свидѣтелей,—говорилъ Эраси, — такъ какъ въ данномъ случаѣ всякое оправданіе съ моей стороны было бы противно моему достоинству. Я только еще разъ попрошу васъ, господинъ Меллеръ, не касаться ни моего происхожденія, ни того, за кого я себя хочу выдавать.

— Я готовъ исполнить вашу просьбу,—продолжалъ Меллеръ,— если вы будете такъ любезны, объясните мнѣ, какимъ образомъ жена испанскаго гранда стала торговкой маслинами на одесскомъ базарѣ.

— Ну, ужъ это слишкомъ, — вспыхнулъ Эраси, — вы, Меллеръ, даже мою мать не оставляете въ покоѣ.

Мамонтовъ было порывался затушить ссору между Эраси и Меллеромъ, но это было уже невозможно. Задѣтый за живое Эраси прыгалъ, какъ звѣрь, и нещадно стучалъ каблуками.— Я бы желалъ, г-нъ Меллеръ,—кричалъ Эраси, — чтобы вы взяли ваши слова назадъ и разъ навсегда прекратили бы ваши придирки.

— Я охотно это исполню,—отвѣчалъ Меллеръ,—если вы объясните мнѣ, какимъ образомъ ваша матушка, супруга испанскаго гранда, сдѣлалась торговкой маслинами на одесскомъ базарѣ.

— Вы сейчасъ получите мой отвѣтъ,—вскричалъ Эраси, сверкая глазами,—Никитинъ,—обратился Эраси къ Никитину,—прошу тебя выйди въ сѣни на пару словъ.

Сказавъ это, Эраси вышелъ изъ комнаты, за нимъ послѣдовалъ и Никитинъ; вскорѣ онъ возвратился и объявилъ, что Эраси вызываетъ его, Меллера, на дуэль.

— Съ удовольствіемъ принимаю вызовъ „испанскаго гранда“ и впередъ соглашаюсь на всѣ его условія,—отвѣчалъ Меллеръ.

— Эраси предлагаетъ,—продолжалъ Никитинъ,—драться на пистолетахъ, на 18 шаговъ, съ барьеровъ въ 6 шаговъ.

— И прекрасно, я на все согласенъ,—отвѣчалъ Меллеръ,—какъ разсвѣтетъ, мы отправимся въ сосѣднюю рощицу и тамъ покончимъ дѣло.

— Ты, Мамонтовъ, — обратился онъ къ послѣднему, — будешь моимъ секундантомъ?

Мамонтовъ молча поклонился.

Здѣсь замѣчательно то, что, несмотря на трагическую развязку ссоры между Меллеромъ-Закомельскимъ и Эраси, вся компанія была въ благодушнѣйшемъ настроеніи духа, какъ будто ровно ничего не

произошло; поручикъ Тарвигэ игралъ на флейтѣ, корнетъ Неклюдовъ фальшивымъ и самымъ заунывнымъ тономъ пѣлъ малороссійскую пѣсню: „Віють вітры, віють буйны", Меллеръ-Закомельскій пристально занимался жженкой, корнетъ Кухаревичъ молодецки крутилъ усы и утверждалъ, что все на свѣтѣ пустяки, кромѣ соленыхъ огурцовъ.

— Да будетъ тебѣ заниматься жженкой,—обратился онъ къ Меллеру—поговоримъ о дѣлѣ.

— Что же я буду говорить о дѣлѣ,—возразилъ Меллеръ,—я уже сказалъ, что согласенъ на все, Никитинъ по всей вѣроятности передалъ мои слова Эраси; вотъ какъ разсвѣтетъ, мы отправимся въ рощу.

— А вотъ это какъ разъ и неудобно,—возразилъ Мамонтовъ,—съ разсвѣтомъ люди поведутъ лошадей на водопой, и имъ покажется страннымъ, что г-да такую рань поѣхали въ рощу; а второе, чуть ли не главное,—продолжалъ Мамонтовъ,—у меня нѣтъ дуэльныхъ пистолетовъ.

— А на казенныхъ унтеръ-офицерскихъ развѣ нельзя драться? спросилъ Меллеръ.

— Конечно, можно,—отвѣчалъ Мамонтовъ,—но для этого необходимо согласіе Эраси.

И это послѣднее условіе было принято Эраси.

— Знаешь, Мамонтовъ,—сказалъ Меллеръ,—мы можемъ драться у тебя въ вишневомъ садочкѣ, если ты позволишь?

— Конечно, позволю,—отвѣчалъ Мамонтовъ,—я противъ этого ничего не имѣю.

— Ну, прекрасно,—сказалъ Меллеръ,—значитъ, когда разсвѣтетъ, мы и покончимъ дѣло въ твоемъ садочкѣ.

— Знаешь, Меллеръ,—продолжалъ Мамонтовъ,—я бы совѣтовалъ тебѣ на всякій случай написать хотя нѣсколько словъ твоей матери.

— Не могу, голубчикъ,—отвѣчалъ улыбаясь Меллеръ,—ни одной мысли въ головѣ не вяжется; такъ пьянъ.

— Какъ же ты будешь драться, если ты, какъ говоришь, пьянъ?—удивился Мамантовъ.

— Ну, на это-то меня хватитъ,—отвѣчалъ Меллеръ,—для того, чтобы спустить курокъ, не требуется особыхъ соображеній.

— Ну, какъ хочешь, это дѣло твое,—сказалъ Мамонтовъ.

Между тѣмъ разсвѣло, и всѣ отправились въ садочекъ. Никитинъ и Эраси были уже тамъ.

Мамонтовъ, по обыкновенію, сказалъ примирительную рѣчь.

— Я согласенъ покончить дѣло миромъ,—отвѣчалъ Эраси,—если г-нъ Меллеръ возьметъ свои слова назадъ.

— А я не хочу кончать миромъ и словъ своихъ назадъ не возьму,—вскричалъ Меллеръ.

— Въ такомъ случаѣ приступимъ къ дѣлу,—сказалъ Мамонтовъ и отмѣрилъ 18 шаговъ; посрединѣ были положены сабли.

Враги стали по мѣстамъ и начали сходиться къ барьеру; лишь только Меллеръ сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ Эраси выстрѣлилъ и попалъ ему прямо въ середину живота; несчастный юноша со стономъ упалъ на землю, его тотчасъ же подняли, отнесли въ домъ и положили на кровать.

Въ ту же минуту былъ посланъ гонецъ въ полковой штабъ за докторомъ.

Между тѣмъ воспаленіе разорванной кишки быстро распространилось, затѣмъ началась агонія, и Меллеръ-Закомельскій умеръ доріѣзда доктора.

Какъ водится, Мамонтовъ, Никитинъ и Эраси были преданы суду, который вынесъ такую конфирмацію: Никитина заключить на 1 1/2 года въ крѣпость, Мамонтова также, а Эраси разжаловать въ солдаты.

Эта конфирмація была послана на высочайшее утвержденіе.

Императоръ Николай I ее измѣнилъ. Никитину назначилъ 4-хъ мѣсячное заключеніе въ крѣпости, Эраси, какъ вынужденному принять вызовъ Меллера, наказанію не подвергать, лишь отдать на покаяніе въ монастырь на 8 мѣсяцевъ, а Мамонтова, принявшаго участіе въ дуэли и давшаго казенные пистолеты изъ цейхауза, разжаловать въ солдаты съ переводомъ въ Сибирскій уральскій полкъ.

Такъ погибъ прелестный юноша Меллеръ-Закомельскій, онъ могъ бы быть украшеніемъ людей, если бы среда, въ которую онъ попалъ, не исказила его понятій. Въ заключеніе слѣдуетъ слово о дальнѣйшей судьбѣ Эраси.

Возвратившись въ полкъ изъ монастыря, куда онъ былъ отправленъ на покаяніе, Эраси сдѣлался еще болѣе нахальнымъ, прыгалъ и стучалъ каблуками громче прежняго. Одинъ разъ у помѣщика Енушевскаго на завтракѣ собралось большое общество, и составилась пулька стрѣльба изъ ружей по яйцамъ; въ числѣ играющихъ, конечно, былъ и Эраси. Поляки вообще хорошіе стрѣлки, но разбивать яйца пулями было дѣло не легкое, а потому и случались частые промахи, но Эраси перещеголялъ всѣхъ и взялъ много пулекъ. Лавры побѣдителя такъ бы и остались за нимъ, если бы не произошло одно маленькое обстоятельство. На скорлупѣ разбитаго Эраси яйца было усмотрѣно маленькое круглое отверстіе, которое могло произойти только отъ дроби, но не отъ пули; всѣ бросились осматривать патронташъ Эраси, откуда онъ бралъ готовые патроны;

оказалось, что въ пыжѣ была завернута бекасинная дробь. Это мошенничество Эраси возмутило всѣхъ, и „испанскій грандъ“ со срамомъ былъ выгнанъ изъ дома помѣщика Енушевскаго.

Объ этой исторіи узнали въ полку, и общество офицеровъ предложило Эраси подать въ отставку.

Сообщ. Н. А. Поповъ.